

Научно-практический журнал

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

октябрь – декабрь 2013 г. № 4 (49) Серии А и В

ТЕМА НОМЕРА:
СТРУКТУРНОЕ
РЕФОРМИРОВАНИЕ
И ПОВЫШЕНИЕ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ЭКОНОМИКИ

УДК 111

Ch. KIRVEL,
P. VODOPIYANOV
MATERIAL AND SPIRITUAL MOVEMENT
IN SOCIETY: ISSUES AND DISCUSSIONS

Ч. С. КИРВЕЛЬ,
заведующий кафедрой философии
УО «Гродненский государственный университет
имени Я. Купалы»,
доктор философских наук, профессор
П. А. ВОДОПЬЯНОВ,
член-корреспондент НАН Республики Беларусь,
доктор философских наук, профессор

МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ В ДВИЖЕНИИ СОЦИУМА: ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

Исследуется диалектика взаимосвязи материального и духовного в развитии социума. Показывается, что материальная и духовная стороны общественной жизни не существуют «в чистом виде», независимо друг от друга, что они взаимозависимы и никакую из них нельзя считать ни «первичной», ни «вторичной». Отмечается, что содержание многолетней дискуссии по этой проблеме подтверждает положение о постоянном, по мере движения общества, возрастании роли субъективного фактора в истории, важнейшим компонентом которого является общественное сознание. При этом обосновывается мысль, что возрастающая роль субъективного фактора, нарастающая сила целенаправленного воздействия на социальную среду далеко не всегда сопровождаются гуманизацией социума, а, напротив, часто оборачиваются не прогрессивными, но антипрогрессивными социальными изменениями, выступают как чрезвычайно сложное, двойственное и противоречивое явление.

Ключевые слова: социум, материальная и духовная стороны общественной жизни, субъективный фактор в истории, гуманизация социума, антипрогрессивные социальные изменения.

The paper examines dialectic relationship of the material and spiritual in society development. It is shown that material and spiritual aspects of social life do not exist "per se", independently of each other, that they are interdependent and none of them can be considered either "primary" or "secondary". It is noted that the content of a multi-year debate this confirms the position of the permanent, with the movement of society, increase of the role of the subjective factor in history, the most important component of which is public consciousness. In this case it is substantiated that both the idea of increasing the role of the subjective factor and the growing strength of targeting social environment are not always accompanied by humanization of society but, on the contrary, often turn out to be not a progressive, but an anti-progressive social change, act as an extremely complex, ambivalent and contradictory phenomenon.

Keywords: society, material and spiritual aspects of social life, the subjective factor in history, humane society, anti-progressive social change.

Принципиальное отличие общества от всех природных образований обусловлено тем, что социальная реальность включает в себя не только материальные, но и духовные компоненты. Возникает сложный вопрос: как они соотносятся между собой?

В марксистской социальной философии – историческом материализме – для обозначения материального и духовного в жизнедеятельности общества используются понятия общественного бытия и общественного сознания. Основопологающая социально-философская идея марксизма состоит в том, что общественное бытие не зависит от общественного сознания, а общественное сознание отражает общественное бытие и определяется им. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот,

их общественное бытие определяет их сознание» – так сформулировал эту идею К. Маркс [1, с. 7].

Согласно марксистской теории, общественное сознание не имеет абсолютно самостоятельного определения. Понять сущность и социальную роль общественного сознания можно лишь в отношении к противоположному понятию «общественное бытие». Эти понятия имеют смысл только в отношении друг с другом. В историческом материализме понятие «общественное бытие» выработано для обозначения совокупности материальных явлений общественной жизни, а «понятие общественное сознание» – для обозначения всей совокупности духовных явлений общества. Как раз в этих понятиях и конкретизируется материальная и духовная жизнь общества.

Общественное бытие включает в себя деятельность людей, направленную на создание необходимых для жизни материальных благ – пищи, одежды, жилищ, средств передвижения и т. д. Оно составляет прежде всего отношения между людьми, возникающие в процессе производства и распределения материальных благ, т. е. производственные отношения. Таким образом, общественное бытие – это вся совокупность материальных отношений, в рамках которых протекает реальный процесс жизни людей, вся совокупность общественных, материальных условий их существования. Общественное сознание есть отражение, понимание, осмысление, оценка людьми, классом, социальной группой своего общественного бытия и отношения к нему. Данное отражение, понимание и отношение людей к своему общественному бытию, к условиям своей материальной жизни находят выражение в идеях, взглядах, чувствах, настроениях и т. д.

Согласно учению Маркса и Энгельса, общественное бытие (общественная жизнь) обусловлено общественным производством. Исторически определенный способ производства, т. е. сочетание производительных сил и производственных отношений, обуславливает все другие стороны общественной жизни. При этом производительные силы определяют производственные отношения, а совокупность последних составляет экономическую структуру общества, или экономический базис, который, как доказывают основоположники марксизма, определяет правовую и политическую надстройку общества, а также формы общественного сознания, в частности религию, философию, моральные и эстетические воззрения. По словам Энгельса, «экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, из которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода» [2, с. 26].

Аргументируя этот общий тезис, Маркс и Энгельс отмечали, что люди, для того чтобы иметь возможность мыслить, а тем более заниматься духовным развитием и творчеством, должны как минимум удовлетворять свои материальные потребности, без которых сама человеческая жизнь невозможна. Отсюда, по их мнению, ясно, что основой исторического развития является не производство идей, а производство материальных благ. В процессе исторического развития люди начинают трудиться не для того, чтобы мыслить, а мыслить для того, чтобы трудиться, т. е. для того, чтобы удовлетворять свои насущные потребности. Таким образом, фундаментом, исходным пунктом исторического развития являются не общественные взгляды и идеи людей, а те отношения между ними, которые возникают в процессе производства материальных благ, в труде.

Для подтверждения данной точки зрения сторонники исторического материализма дают развер-

нутый анализ становления общественного сознания. «Производство идей, представлений, сознания, – писали Маркс и Энгельс, – первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» [3, с. 24]. Действительно, в первобытном обществе не было профессий, все делали все, что вообще люди могли тогда делать – охотиться, собирать корни, плоды и т. д. Труд в этой ситуации носил нерасчлененный характер. Соответственно этому и сознание людей было не дифференцированным, нерасчлененным. Не было людей, которые профессионально занимались бы искусством или отправлением религиозных культов.

В первобытном обществе все элементы общественного сознания – религиозные представления, искусство, система различных запретов, зачатки знаний – были не только не различны между собой, слиты в единое синкретическое целое, но и находились в непосредственной связи с трудовой деятельностью. Например, первобытное искусство, т. е. различные ритуальные танцы, наскальные рисунки, магическая охота и т. д., было не только неразрывно связано с религиозными представлениями первобытных людей, но и в то же время выступало как дополнение и обеспечение действительной охоты, как психологическая подготовка к ней (внушение, самовнушение) и являлось необходимым моментом реальной трудовой деятельности.

Однако по мере развития трудовой деятельности, возникновения прибавочного продукта, разделения труда – и прежде всего разделения труда на умственный и физический – из всего этого комплекса единого, нерасчлененного, мифологически религиозного сознания первобытных людей начинают выделяться отдельные самостоятельные области, которые постепенно стали превращаться в особые формы общественного сознания (политические, правовые, эстетические, нравственные и философско-научные идеи и виды духовного производства). Важно отметить, что стоило только возникнуть отдельным сферам трудовой деятельности, как сразу же появились и отдельные области общественного сознания. Например, развитие и разделение труда привело к возникновению частной собственности, классов и государства, как результат выделились и новые отношения между людьми – политические и правовые. Эти отношения так или иначе осознаются людьми. Соответственно возникают новые самостоятельные формы общественного сознания – политическое и правовое сознание. Энгельс иллюстрирует этот исторический факт: «Как только становится необходимым новое разделение труда, создающее профессиональных юристов, открывается опять-таки новая самостоятельная область...» [4, с. 417].

Таким образом, получается, что каждая форма общественного сознания вызывается к жизни определенными общественными потребностями, вытекающими в конечном счете из развития материального производства. Этим также обусловле-

но и то, что одни формы общественного сознания появились раньше, а другие – позже. Если для обеспечения материальной жизни первобытного общества было достаточно трех неразрывно связанных между собой форм общественного сознания – морали, религии и искусства, то для обеспечения жизнедеятельности классового общества появилась необходимость в новых формах общественного сознания, таких как политическое и правовое. Это и понятно, ведь они отражают отношения между классами. Скажем, философское и научное сознание могло возникнуть только тогда, когда для обеспечения производственной деятельности и общественной жизни оказалось недостаточно обычного повседневного опыта. Тогда собственно и выделилась группа лиц, профессионально занимающихся научной теоретической деятельностью.

Возникновение частной собственности, классов и государства оказывает чрезвычайно важное влияние на общественное сознание и в другом отношении: в классовом обществе общественное сознание приобретает неизбежно классовый характер. Так как в основе деления общества на классы лежит разделение труда, то первым же следствием деления общества на классы и социальные группы с различным местом в процессе материального производства было и деление в сфере общественного сознания. Единое, первоначально нерасчлененное общественное сознание первобытных людей теперь распадается на различные, противоположные сознания борющихся классов. Это и понятно: различные условия материальной и духовной жизни социальных классов привели к различиям в мышлении и чувствах лиц, принадлежащих к ним. Антагонизм в материальной основе общества породил антагонизм в общественном сознании. С тех пор история классовых обществ движется не только в форме материального и физического столкновения между противоположными классами и их интересами, но и в форме борьбы между противоположными чувствами и идеями противоположных классов, различными классовыми идеологиями.

Однако отражение общественным сознанием общественного бытия не есть непосредственный механический акт. Если бы это было так, то мы марксистскую концепцию сознания вынуждены были бы просто отнести к вульгарному материализму. Будучи отражением, общественное сознание тем не менее в своем развитии обладает известной относительной самостоятельностью. Эта *самостоятельность общественного сознания может проявляться: во-первых, в опосредованности отражения, которая выражается во взаимодействии различных форм общественного сознания друг с другом; во-вторых, в преемственности развития идей и во взаимодействии духовных культур различных стран, в так называемом переносе культур; в-третьих, в отставании общественного сознания от общественного бытия, в постепенности и частичности отражения; и наконец, в-четвертых, в опережении общественным сознанием общественного бытия.*

Рассмотрим каждый из этих пунктов.

Определяющая роль общественного бытия не является непосредственной для всех форм общественного сознания, а осуществляется через промежуточные звенья. Например, если мы возьмем все формы общественного сознания (политические, правовые, нравственные, эстетические, религиозные, философско-научные представления и идеи), то увидим, что политически-правовое сознание ближе всего стоит к общественному бытию и непосредственно его отражает. Однако другие формы общественного сознания, скажем философия, искусство, религия, отражают общественное бытие опосредованно, а именно через эти политические, правовые взгляды и отношения. Один и тот же экономический факт, к примеру эксплуатация и ростовщичество, отражаются, с одной стороны, непосредственно в праве, экономической теории и морали, а с другой – опосредованно через эти непосредственные отражения – в иных формах общественного сознания, например в литературе. Отражение одного явления в одних формах общественного сознания (право, политика) становится предметом отражения в других формах общественного сознания (наука, искусство), т. е. само отражение начинает отражаться, простое, непосредственное отражение превращается в цепное, серийное и взаимное. А. Лабриола верно заметил, что «Божественную комедию» Данте нельзя объяснить непосредственно исходя из особенностей флорентийской мануфактуры, а можно лишь опосредованно, причем путем анализа идей, чувств и политической борьбы, т. е. совокупного общественного состояния, выросшего на экономическом базисе, для которого эта мануфактура была только наиболее характерным элементом и показателем.

Относительная самостоятельность общественного сознания проявляется и в преемственности духовного развития человечества. Общественные идеи и теории в каждую новую эпоху не возникают на пустом месте. Они разрабатываются на основе идейного материала предыдущих эпох, под воздействием предшествующих этапов идейного развития и преемственной связи с ними. Так складывается непрерывная линия идеологического развития во всех областях общественного сознания – в философии, искусстве, морали и т. д. Энгельс пишет: «...Раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке» [5, с. 313]. Отсюда ясно, что расцвет в развитии идей и, наоборот, упадок в нем могут не совпадать с периодами экономического подъема и упадка. Например, расцвет немецкой культуры XVIII – первой половины XIX в. пришелся на период тяжелого положения Германии, выразившегося в экономической отсталости и политической раздробленности, усугубленного поражением во франко-прусской войне. Однако немецкий народ, несомненно великий народ, развил огромную компенсаторную активность и смог преодолеть свое отставание в материальной сфере мощнейшим прорывом в сфере духовной.

На это время приходится расцвет немецкой классической философии и литературы, крупные достижения в области музыкального искусства и т. д.

Кроме этого, в развитии общественного сознания во все периоды истории наблюдается неравномерность, которая проявляется в следующем. В каждую историческую эпоху та или иная форма общественного сознания начинает «задавать тон» всей духовной жизни. Например, в античной Греции в V в. до н. э. особенно большую роль в общественном сознании играли философия и искусство (театр, скульптура, архитектура). В средневековой Европе победила религиозная форма общественного сознания. Именно она тогда оказывала преобладающее влияние на философию, мораль, искусство, политические и правовые воззрения. В условиях капиталистического общества на первый план вышла философия, научные знания, политические и юридические теории и взгляды. Неравномерность развития общественного сознания также подтверждает факт его относительной самостоятельности по отношению к общественному бытию.

Далее относительная самостоятельность общественного сознания выражается и в том, что оно в своем развитии может отставать и практически весьма часто отстает от общественного бытия. Иными словами, в материальных условиях жизни общества могут произойти многочисленные и огромные изменения, и в то же время они могут не сразу и не во всем объеме отразиться в общественном сознании, морали, праве, науке и т. д. Вообще на изменение экономического базиса скорее всего реагирует политическое и правовое сознание. Политика – это концентрированное выражение экономики. Остальные формы общественного сознания, как правило с большим опозданием, начинают отражать происшедшие в обществе изменения. Причем перестройка общественного сознания происходит не так быстро и легко у различных социальных групп и даже в одной и той же группе у разных людей.

И наконец, относительная самостоятельность общественного сознания проявляется в том, что оно может в своем развитии опережать общественное бытие. Например, в общественном сознании могут появиться идеи, для реализации которых еще не созрели материальные условия (такowymi были для своего времени некоторые идеи утопических социалистов). Наука тоже очень часто в своем развитии опережает общественное бытие.

Таким образом, согласно марксистам, общественное сознание, будучи в конечном счете отражением общественного бытия, тем не менее обладает значительной относительной самостоятельностью по отношению к общественному бытию. В целом относительная самостоятельность общественного сознания выражается в том, что оно в своем развитии обладает внутренней логикой и своими специфическими закономерностями, не вытекающими прямо из логики и закономерностей развития общественного бытия.

Однако дело не сводится только к тому, что общественное сознание обладает относительной самостоятельностью. Оно оказывает обратное воздействие на развитие общественного бытия, ускоряя это развитие или, наоборот, замедляя его. Анализируя первый план (движение от общественного бытия к общественному сознанию), марксисты главным образом характеризуют общественное сознание со стороны его происхождения и содержания: что, как и каким способом отражает общественное сознание в общественном бытии, каков результат этого отражения или познания людьми своего собственного бытия. Раскрывая второй план – движение от общественного сознания к общественному бытию, – они рассматривают общественное сознание со стороны его активно-творческой роли как реализующей в жизнь идей и стремлений людей. В этом втором плане общественное сознание выполняет функцию идеального мотива, побуждающего людей к деятельности для удовлетворения их потребностей, служит духовным средством изменения внешнего мира и овладения им. Здесь общественное сознание выступает в качестве причины, воздействующей на различные явления общественной жизни, в том числе и на экономические отношения. В этом взаимодействии экономика выступает лишь в конечном счете как решающая причина, а другие явления, которые в начале возникают как следствие экономических явлений, в дальнейшем сами становятся причиной и оказывают влияние на экономику и друг на друга. Такова, с точки зрения марксистов, диалектика взаимодействия общественного бытия и общественного сознания.

Положение об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию все же воспринимается с трудом, ведь любому делу предшествует мысль, т. е. прежде чем создать что-либо в реальности, люди создают это в своей голове, идеально. Опираясь на этот неоспоримый факт, в философии сложилось довольно влиятельное направление, которое пытается объяснить общественное бытие исходя из общественного сознания, толковать общественное сознание как первичное, а общественное бытие как вторичное.

Вопрос этот оказывается весьма непростым и уклоняться от его решения на современном витке развития социальной мысли вряд ли следует.

Рассмотрим аргументы сторонников данного взгляда.

Главный их тезис сводится к следующему: общественное бытие не является независимым от сознания, поскольку люди как разумные существа везде и во всем действуют сознательно. В производстве материальных благ люди не меньше, чем в других сферах человеческой деятельности, сознательно ставят определенные цели и сознательно прилагают усилия к их достижению. Не без участия сознания складываются и экономические отношения. Любые производственные, экономические и прочие общественные отношения существуют лишь постольку, поскольку люди, состоящие в них, обладают созна-

нием: если бы вдруг все сошли с ума, от этих отношений ничего бы не осталось. «Но если никакие общественные отношения, в том числе и экономические, не являются независимыми от сознания, то их нельзя считать материальными в точном смысле этого слова. Следовательно, то, что в историческом материализме называют общественным бытием, не есть какой-то особый вид материи. В этом смысле можно сказать, что “социальная материя”, если под ней понимать некий социальный (т. е. не природный – не физический, химический, биологический и т. д.) материальный субстрат, есть фикция: ее не существует. Иначе говоря, в социальной реальности нет никакого независимого от сознания общественного бытия» [6, с. 214].

В действительности, даже результаты человеческой деятельности – созданный человеком предметный мир социальных реалий, ставший частью объективного мира и соответственно существующий уже в нем независимо от сознания – мы не можем рассматривать как нечто исключительно материальное, поскольку в этих результатах опредмечены, объективированы цели и устремления людей. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что результаты человеческой деятельности представляют собой не что иное, как материализацию сознания, воплощение идеального замысла, выступающего в качестве «целевой причины». С какой стороны ни посмотреть, эти результаты, будучи вполне реальными и объективными генетически (по происхождению) и функционально (по способу использования), связаны с сознанием и не могут быть вне этой связи вольно истолкованы. Всемирно известный социолог П. Сорокин пишет по этому поводу: «Человеческое общество, вся культура и вся цивилизация в конечном счете есть не что иное, как мир понятий, застывших в определенных формах и определенном виде... Это положение, несмотря на противоположное утверждение марксизма, может быть подтверждено всей историей политических организаций, техники, нравственности и права и ежедневным опытом каждого. Машины, прежде чем принять “материальное” бытие, должны уже иметь “логически-психическое” существование в мысли своего изобретателя, а не наоборот. Это ясно. То же относится и ко всей технике, и ко всем “орудиям” производства. Все это, по остроумному выражению Тарда, есть “застывшая мысль”. Фабрики и заводы, паровые и электрические двигатели, та или иная форма жилища, характер или состав пищи, форма одежды и вообще весь материальный быт в конце концов являются застывшей мыслью современной или же предыдущей эпохи» [7, с. 528–529].

Правда, сторонники такой интерпретации развития общества соглашаются, что люди далеко не всегда осознают причины и последствия своих поступков. Всякий знает, что, порой, усилия, направленные на осознанно поставленную цель, приводят совсем не к тому, что хотелось бы. Такое часто случается, когда участников процесса много, а их усилия не согласуются или открыто противо-

речат друг другу. Но при этом они утверждают, что «если люди не в состоянии предвидеть все результаты своих сознательных действий, то это вовсе не отменяет **самого факта зависимости** их деятельности от сознания. А так как все, что есть в обществе, создается деятельностью людей, то, очевидно, в обществе не может быть ничего, что так или иначе не зависело бы от сознания» [6, с. 214–215]. Они соглашаются также с тем, что общественное сознание отражает общественное бытие. Однако оно, согласно им, отражает не только его, т. е. не только экономику, но вообще всю социальную реальность, а также природу. Иначе придется признать, что в обществе, кроме общественного, есть еще какое-то «необщественное» сознание. Но главное – роль общественного сознания не ограничивается одним лишь отражением: оно является активным фактором общественной жизни, оказывающим на нее мощное воздействие.

В подтверждение сказанному приводится ряд иллюстраций и аргументов, например указывается на принципиальную возможность **сознательного планирования и точного экономического расчета** результатов развития материального производства. Эта идея лежала в основе организации планового социалистического хозяйства в СССР. И если ее реализация оказалась неудачной, то это не означает, что она вообще не реализуема. Сегодня есть основание полагать, что человечество еще вернется к этой идее на новом историческом этапе своего развития (частично она проводится в жизнь и ныне – даже в условиях рыночной экономики).

Противники марксистской концепции соотношения общественного бытия и сознания также указывают на непоследовательность и противоречивость указанной концепции. Они подчеркивают, что необходимость учитывать «силу идей» приводит и самих марксистов к утверждению, что общественное сознание, будучи «вторичным», зависимым от бытия, вместе с тем обладает «относительной самостоятельностью» и «активностью», а потому способно оказывать «обратное воздействие» на бытие. Но если это так, то общественное сознание оказывается *первичным* по крайней мере в отношении тех элементов бытия, которые возникли или изменились под его «обратным воздействием». Стало быть, в историческом материализме появляется противоречие.

Таким образом, если марксистская философия ищет выход из этого противоречия в том, чтобы *в конечном счете* все же выводить духовное из материального (общественное сознание из общественного бытия), то в немарксистской социальной философии господствует противоположная точка зрения, тенденция – настаивать на примате духовного над материальным. Марксисты квалифицируют такую позицию как идеалистическую и считают ее несостоятельной. Тем не менее многие известные мыслители прошлого и настоящего примыкают к ней, и для этого у них есть достаточно веские причины. Принцип зависимости общественного

бытия от общественного сознания представляется им во всяком случае не менее оправданным, чем марксистский принцип зависимости общественного сознания от бытия. В истории можно найти сколько угодно фактов, подтверждающих тот или иной принцип.

И действительно, как свидетельствуют факты, особенно если иметь в виду историю XX в., утверждение, что общественное сознание (идеи, мнения, религия, наука, искусство и т. п.) определяется общественным бытием (Маркс) и является его отражением (Ленин), – это неполная, односторонняя и упрощенная характеристика духовной жизни общества. Неоправданной в полной мере является и мысль о том, что производство, хозяйственную жизнь общества, экономические отношения и т. п. следует рассматривать как независимое от сознания общественное бытие или социальную материю.

В действительности, материальное и духовное производство неотделимы друг от друга. В социальной реальности материя и дух не существуют «в чистом виде», независимо друг от друга. Материальная и духовная сторона общественной жизни **взаимозависимы**, и никакую из них нельзя считать ни «первичной», ни «вторичной».

Но это не означает, что их соотношение в разных сферах общественной жизни одинаково. Так, в сфере экономики материальная сторона обладает большим «удельным весом», чем в других областях общественной жизни, в частности, чем в сфере всех форм культуры, где господствует царство духа.

Производство, которое является способом взаимодействия общества с природной средой, имеет целью преобразование природного материала, а этого можно достичь только путем практической деятельности и только в соответствии с объективными законами природы. Человек работает здесь «на стыке» социальной реальности с природой, в зоне перехода вещества и энергии из внешней среды в социальную систему. Конечно, при этом он руководствуется своим сознанием и разумом, стремится осуществить свои замыслы и планы, инженерные идеи и проекты. Но его духовная свобода существенно ограничена необходимостью строго сочетать «полет мысли» с материальными условиями окружающей природной среды.

Вообще, в реальном процессе общественной жизни материальное и духовное «обмениваются ролями», и на разных этапах истории и в разных сферах социальной реальности определяющей становится то материальная, то духовная сторона.

Однако некоторые авторы не считают, что разговоры о «социальной материи», существующей объективно, независимо от сознания, являются лишь досужими выдумками философов-марксистов. С их точки зрения материальные факторы общественной жизни вполне реальны и оказывают мощное исходное воздействие на многие стороны развития социума.

Так, российский исследователь К. Х. Момджян считает, что материальные факторы обще-

ственной жизни следует искать в сфере потребностей и интересов социальных субъектов. По его мнению, не состояния сознания, а стоящие за ними и определяющие их потребности и интересы являются подлинной первопричиной человеческих действий. Потребности и интересы, выражая собой адаптивный характер человеческой деятельности, выступают «объективной основой поведения, дисциплинирующей человеческое сознание и укрощающей произвол человеческой воли» [8, с. 268]. Сам характер человеческих потребностей, их сущность определяются отнюдь не произволом сознания, а не зависящими от него факторами биосоциальной организации людей, которые сознание вынуждено принимать как данность. Потребности неуклонно и постоянно дают на сознание, «заставляя людей независимо от их желаний и воли прибегать к тем или иным формам ориентационной деятельности в природной и социальной среде» [8, с. 270]. Например, потребность поддержания порядка и обеспечения безопасности, вытекающая из способа их совместной жизни, объективно обуславливает существование институтов власти в любом обществе. Здесь человеческий разум, сознание всего лишь осмысливают и реализуют эту необходимость, но не порождают ее. К. Х. Момджян подчеркивает, что «беспотребностной» или «внепотребностной» деятельности людей попросту не существует: все, что мы делаем, мы делаем ради тех или иных потребностей, стремясь к тому, что нам необходимо для существования в этом мире. При этом природу человека как социокультурного существа определяет весь спектр (система) потребностей и физических («желудочных», «организменных»), и социальных, и духовных. Так, факт уникальной «живучести» религии объясняется в первую очередь тем, что «религиозная вера отвечает особым “экзистенциальным” потребностям человека, устройству его души, нуждающейся в поддержке и утешении, – устройству, которое зависит от воли людей не в большей степени, чем темперамент, с которым они приходят в мир» [8, с. 270]. А стало быть, даже духовные потребности являются не сознанием, а лишь реальным отношением к сознанию и в этом качестве лишены необходимых свойств идеального.

Таким образом, именно в многочисленных и многообразных потребностях, предписанных человеку его «родовой природой», обнаруживаются материальные факторы деятельности, существенно ограничивающие свободу воли общественного субъекта. Возникает вопрос: до каких пределов? К. Х. Момджян подчеркивает, что потребностная детерминация сознания не исключает свободную волю людей, не превращает их в подобие механизма, все действия которого заранее запрограммированы не им выбранными обстоятельствами. Сознание в любом случае, в любых обстоятельствах обладает колоссальными возможностями разнообразить человеческое поведение. Человек, не имея возможности полностью эмансипироваться от всех своих потребностей, тем не менее обладает развитой спо-

способностью «ранжировать» эти потребности, «под-
и-рять» их под некий сознательно избранный образ
жизни и соответственно действовать по-разному
даже в одних и тех же обстоятельствах. Именно
в способности человеческого сознания «ранжиро-
вать» потребности и проявляется по преимуществу
свободная воля людей, обуславливающая много-
вариантность социального бытия человека. Вместе
с тем способность сознания к свободному много-
вариантному выбору потребностей отнюдь не пре-
вращает это сознание в первопричину человеческих
действий, поскольку эта способность ограничена
константами родовой природы человека, не позво-
ляющими ему вовсе отказаться от потребностей.

Проблемы, поднятые и проанализированные
К. Х. Момджяном, чрезвычайно интересны и значи-
мы для социальной философии на современном эта-
пе ее развития, содержат в себе мощный эвристиче-
ский потенциал. Вместе с тем нам надо отдавать себе
отчет в том, что сущность и характер проявления
законов общественного развития нельзя раскрыть,
исходя не только из анализа механизмов внутренней
саморегуляции сознания (идеальное), но и из анали-
за потребностей и интересов социального субъекта
(материальное). В реальном историческом процессе
со всеми его перипетиями, «сюрпризами» и «по-
воротами» важнейшими составляющими в качестве
объективных факторов детерминации являются и те
реальные, обладающие устойчивой способностью
складываться стихийно-спонтанно социальные явле-
ния и общественные отношения, которые К. Маркс
определял как «материальные производственные
отношения» («экономический базис»).

Ни в коей мере не принимая функциональных
возможностей сознания влиять на организационные
формы общественной жизни людей, включая и про-
изводственные отношения, систему технологиче-
ской и экономической организации производства,
которые К. Маркс, возможно, не совсем корректно
определил как «материальные», мы тем не менее,
в отличие от сторонников чисто идеалистического
взгляда на историю, считаем, что данные отноше-
ния, однажды сформировавшись, обладают вполне
определенными формами объективности, незави-
симости от сознания точно так же, как от него не
зависят никакие другие явления, обретшие силу
вершившегося факта. Для нас здесь интересно
то, что эти формы объективности, сложившиеся
стихийно-спонтанно, многопланово и многоаспек-
тно, детерминируют исторический процесс, высту-
пают важнейшими причинами становления и прояв-
ления объективных социальных закономерностей.

Как бы ни относились к представленным здесь
точкам зрения по вопросу о характере соотноше-
ния материального и духовного в жизни общества,
можно, однако, не сомневаться в том, что дискуссия
по данной проблеме не только демонстрирует всю
сложность и противоречивость постижения харак-
тера движения мира социума, но и предоставляет
каждому любознательному человеку широкий про-
стор и богатую пищу для самостоятельного твор-
ческого размышления.

Для нас здесь особенно важно то, что содержа-
ние этой многолетней дискуссии подтверждает по-
ложение о постоянном, по мере движения общества,
возрастании роли субъективного фактора истории,
важнейшим компонентом которого является обще-
ственное сознание.

Рассмотрение проблемы роли и значения субъ-
ективного фактора требует постановки следующего
вопроса: каково соотношение объективного и субъ-
ективного в истории, является ли оно постоянным,
константным или их удельный вес может опреде-
ленным образом меняться?

Данную проблему можно рассматривать в дол-
госрочном и краткосрочном плане. На относитель-
но небольших отрезках исторического времени
значение субъективного фактора резко возрастает
в переходные периоды, когда действие внутренних
закономерностей предшествовавшего уклада жизни
ослабело, а закономерности нового уклада еще не
сложилось. Именно в этот период начинает интен-
сивно создаваться облик будущего мира, рельефно
проявляется пластичность и податливость истории.
Это происходит потому, что в действии социальной
закономерности как бы образуется вакуум, зазор,
в который бурно устремляется свободная воля лю-
дей, их предпочтения. Ярким и колоритным при-
мером такого процесса может служить европейское
Возрождение.

В долгосрочном плане рельефно проявляется
тенденция возрастания роли субъективного фактора
в истории. Эта тенденция обусловлена следующими
причинами. Постепенно растет опыт организации
масс различными социальными институтами и пар-
тиями, совершенствуются технические средства
связи и способы взаимодействия между людьми.
Это позволяет концентрировать усилия огромных
человеческих масс в определенном направлении во
имя достижения тех или иных целей, в том числе
и таких, которые не отвечают глубинным интересам
широких слоев населения.

В наше время субъективный фактор истории
стал реальной силой, определяющей судьбы це-
лых поколений и народов. Оказалось, что сегодня
весьма затруднительно говорить о каких-то чисто
объективных социальных процессах, протекаю-
щих независимо от субъективной воли, от субъ-
ективного фактора истории. Возьмем, к примеру,
общественные экономические отношения, которые
в свое время К. Маркс, в отличие от идеологиче-
ских, рассматривал как материальные, не проходя-
щие в своем генезисе через сознание исторических
субъектов, чисто объективные. Как известно, на
этой точке зрения наше обществоведение держалось
долго. Однако теперь мы можем утверждать,
что стихийность формирования экономического
базиса, неизобретаемость основных субъектов
экономических отношений — экономических групп
и классов (например, крестьянства) — явление не
вечное, имеющее исторически ограниченное дей-
ствие, т. е. не носящее универсального характера
и не могущее быть распространенным на все вре-
мена. При ближайшем рассмотрении оказывается,

что сегодня стихийность социально-экономических процессов постепенно преодолевается, вытесняется целерациональным началом, способностью сознания влиять не только на функционирование, но и на становление экономических реалий. В качестве неудачных и удачных примеров такого рода инноваций сознания в некогда закрытой для него сфере экономических отношений может служить экономика Советского Союза, явившаяся результатом сознательного выбора в пользу огосударствления средств производства, «новый курс» президента США Ф. Рузвельта, теперешние попытки российской властной элиты сознательно «построить» экономику рыночного типа. При этом все большее число социальных явлений, некогда полностью независимых от сознания, теперь складывается как результат целей и замыслов людей, определяется сознанием как реальной «целевой причиной» своего возникновения. Конечно, стихийность социальных процессов вряд ли когда-либо в будущем будет до конца преодолена. Тем не менее мы не можем не признать, что сегодня в какой-то степени утверждается «плановая» история, «управляемое», «конструируемое» общество, имеют место непрекращающиеся попытки определенными силами, в частности мировым олигархическим интернационалом, взять под свой контроль ее движение. Трагедия истории заключается здесь в том, что нарастающая сила целенаправленного воздействия на природную и социальную среду отнюдь не сопровождается гуманизацией социума, а скорее, наоборот, ведет к разрушению фундаментальных основ человеческого бытия, оборачивается не прогрессивными, как это хотелось бы, а антипрогрессивными общественными изменениями. Если выразиться более последовательно, то возросшая роль субъективного фактора истории на каждой «развилке ее дорог» грозит обернуться новой и еще более опасной формой угнетения и подавления людей, а применительно к нашему времени может стать всепланетарным тоталитаризмом. На практике возросшая роль данного фактора не принесла людям гуманизации их жизни, мира и праведности. Напротив, в XX в. субъективный фактор весьма часто принимал деструктивный характер, находил свое прямое выражение в приверженности к волюнтаристической тенденции. Примером этому может служить Октябрьская революция в России, которая рельефно продемонстрировала миру, что человечество вступило в новую эпоху — эпоху неизвестных ранее возможностей крупномасштабного исторического произвола и насилия и вместе с тем в эпоху небывалого по своему размаху социального творчества и новаторства, связанных с резким возрастанием роли именно субъективного фактора истории. С этого периода, как никогда, стала неоспоримой мысль о том, что «сознание не только отражает мир, но и творит его» (Ленин). Теоретическое сознание небольшой кучки вожаков смогло переплавиться в общественное бытие, насильственно прервать естественную фазу развития великой

страны. Деструктивно-конструктивная утопия — продукт рациональной гордыни — получила воплощение в реальности, обнаружила способность стать практикой, быть «приведенной в исполнение».

В нашу эпоху ситуация еще больше изменилась. Возможности манипулирования сознанием миллионов людей благодаря современной информационной технике оказались беспрецедентными. Сюда следует добавить и объективный процесс усиления роли управленческих функций, и возросшую в связи с этим опасность бюрократизма, возможности быстрой концентрации общественных сил не только в интересах прогресса, но и регресса, и т. п. Этим в значительной степени обусловлены трагедии, организованные властью сознательно. Отсюда и расширяющиеся возможности проведения в жизнь программ и проектов, разрабатываемых верховной властью часто в полной зависимости от различных личностных решений вождей и вовсе не контролируемых народными массами.

Можно определенно утверждать, что многие трагические события российской (советской) истории непосредственно связаны с экспансией внешних, оторванных от отечественного опыта и традиций проектов тотального социального переустройства. Именно в XX в. человек, возмнивший себя творцом и господином своей исторической судьбы, сумел навязать общественному развитию своему социальному бытию искусственно сконструированные проекты и модели «нового мира», «нового порядка», совершить «хирургическую операцию над живым телом народов», над веками сложившимися социальными организмами.

Такие крупные исследователи, как Н. Бердяев и Х. Ортега-и-Гассет, уже давно отмечали, что тоталитаризм как жесткая система всеохватывающего контроля над жизнедеятельностью людей связан с вторжением в общественную и личную жизнь технического фактора. С их точки зрения, тоталитаризм в широком смысле есть власть техники, механизация социальных отношений, технизация стиля мышления и «машинизация» человека. Ни диктатура римских рабовладельцев, ни восточные деспотии не обладали, согласно им, возможностью такой концентрации бесконтрольной власти, которая появилась у современных государств благодаря развитию техники. Диктаторы XX в. смогли воспользоваться вкладом современной технологии в искусство деспотии. Соответственно этому многие проблемы и сложности, с которыми столкнулись люди в XX в., не имеют под собой объективной основы — они были порождены утопическим прожектерством.

Признание субъективного фактора в качестве важнейшей движущей силы общественного развития закономерно приводит нас к рассмотрению проблемы исторического выбора, осуществляемого социальными субъектами. Исторический выбор, будучи укорененным в глубинных пластах общественного бытия, диалектически связан с принципиальной многовариантностью социальной динамики. Развитие социума открыто, незапрограммировано,

не подчинено действию каких-либо жестких закономерностей и однозначно не детерминировано ни каким-либо одним фактором, будь то политика, экономика или еще что-нибудь, ни даже всей совокупностью факторов (детерминант), имевших место в предшествующий период развития. Оно в каждый исторический момент открыто к становлению нового, в каждый момент времени его будущее носит вероятностный характер и творится здесь и теперь. Из любой конкретной точки его бытия исходит не одно, а целый веер потенциально возможных направлений развития, степень вероятности утверждения которых может измениться в каждый последующий момент.

В социальной жизни характер становления нового, как правило, жестко и однозначно не предопределен содержанием старого. Новое всегда является сложным сплавом традиционных и нетрадиционных элементов, его природа зависит главным образом от современных социальных и политических условий. Даже специфика отрицания старого, т. е. сама форма негации, ее глубина, степень деструктивности неизбежно оказывают определенное влияние на тенденции развития нового, в известной мере задают направленность последующему процессу общественных изменений. Но главным является то, что новое обладает способностью к самодетерминации: возникающая общественная система опирается не просто на ту конфигурацию социально-политических сил, которая была характерна для предшествующей системы, но творит для себя соответствующие социальные образования, порождает адекватный социальный базис, который впоследствии становится ее действенной опорой. В результате свершившийся социальный выбор в ряде случаев может привести к необратимым изменениям, на годы и даже многие десятилетия задать определенное направление развитию общества. А факторы, повернувшие историю на этот путь, могут, с точки зрения своей общественной значимости, быть незначительными, во многом случайными. Однако, реализовавшись, они жестко определяют движение общества в новом направлении. Причем вероятность такого развития многократно возрастает, когда тот или иной проект преобразования общества становится идеологической доктриной какой-либо общественно-политической силы, монопольно властвующей в обществе.

Все это означает, что на конкретном историческом этапе, в сложном переплетении ветвящихся дорог общественной эволюции, исторических тенденций решающую роль играют субъективный фактор, непредсказуемый человеческий выбор и поступок, случайное стечение обстоятельств. Именно они в преимущественной степени определяют конкретный вид формирующихся новых исторических обстоятельств и образа жизни людей. И если свершившееся конкретное событие никак не укладывается в полосу прогрессивно-поступательного развития общества, то истории предстоит немало «потрудиться» над тем, чтобы преодолеть его последствия.

Таким образом, историческая действительность является в значительной мере пластичной, способной к различным переменам. В сущности, если не к истории в целом, то к миру конкретных событий понятия «историческая закономерность» и «необходимость» надо применять весьма осторожно, с учетом игры случайностей и человеческих предпочтений. Нравится нам это или нет, история всегда будет представлять собой одну из выбранных и реализованных людьми возможностей, при этом далеко не всегда соответствующих оптимальному пути социального развития. Как свидетельствует исторический опыт, способностью к самодетерминации, обретению собственной, не вытекающей прямо из природы старого, логики развития обладает, к примеру, и тоталитаризм, сыгравший столь драматическую роль в истории XX в.

В наши дни альтернативность истории не требует особой верификации: факт ее наличия можно непосредственно наблюдать даже на уровне бытового сознания. В последние полтора десятилетия XX в. мы стали свидетелями, а некоторые из нас даже действующими лицами разыгрывающейся на советском и постсоветском пространстве драмы выбора путей развития общества, столкновения и борьбы исторических альтернатив, побед одних из них и поражения других. На наших глазах часто рушилось за несколько дней то, что создавалось в течение долгих лет. Скорость протекания социальных процессов – вовсе непредсказуемых, нередко трагичных и всегда касающихся каждого из нас – превзошла самое смелое воображение. На авансцене политической жизни стали неожиданно появляться, словно «черти из табакерки», множество новых лиц, сменяющих друг друга, группирующихся, нападающих один на другого и защищающихся. Невозможно этот калейдоскоп событий, лиц, обстоятельств описать с позиций жесткого детерминизма.

Все эти эмпирически наблюдаемые явления позволили исследователям сделать важный теоретический вывод: историческую свободу людей неверно, как это было ранее, рассматривать исключительно как осознанную необходимость. Современный уровень социального познания требует осмыслить историческую свободу как осознанную возможность, т. е. как возможность исторического выбора из имеющихся место в данной ситуации альтернативных путей развития, которые история всегда имеет в запасе. Это значит, что люди обладают способностью преодолевать историческую инерцию и творить собственное будущее, осуществлять его выбор, исходя из целого спектра исторических альтернатив, обладающих различной или одинаковой возможностью для реализации.

Благодаря такого рода особенностям развития социума субъект истории имеет возможность формировать, отказавшись от следования исторической инерции, привычного течения дел, новые пути истории, т. е. он может либо принимать исторически сложившуюся ситуацию и действовать в рамках инерции истории, либо направить свои усилия на

изменение status quo, преодоление (углубление, расширение) наличного уровня исторической необходимости. Такого рода возможность исторического субъекта обуславливает, как представляется, субъективную сторону существования исторических альтернатив.

Тем самым истории внутренне присуща альтернативность. Это обусловлено реальным существованием в жизни социума различных противоборствующих политических, экономических и социальных структур, сил и тенденций разной направленности. Последнее обстоятельство позволяет придать исторической возможности (альтернативности) онтологический статус, идентифицировать ее как особую сферу реальности, признать ее укорененность в каждой точке социального пространства и в каждый момент социального времени.

Будущее всегда есть результат синергетического эффекта множества социальных выборов, проб и ошибок, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений. Например, в общественном развитии может сыграть весьма существенную роль такой непредсказуемый по своей природе фактор («историческая случайность»), как отдельная личность. При определенных условиях политические лидеры и вожди способны влиять на макросоциальные процессы, воздействовать на общественное развитие ничуть не меньше, чем «объективные закономерности». Прав был известный русский философ Н. Бердяев, когда, имея в виду октябрьский переворот, писал, что Ленин на практике сумел доказать способность незначительного организованного меньшинства «прервать детерминизм социальной закономерности». Сегодня очевидным представляется и то, что в крушении Советского Союза существенную, если не решающую, роль сыграл также субъективно-личностный момент.

Можно, конечно, сказать, что выбор, не считающийся с логикой исторического развития, осуществляемый самонадеянным субъектом, рано или поздно отменяется историей или трансформируется до неузнаваемости. Примеров тому множество. Но это мало утешает: далекое и совсем недавнее прошлое свидетельствует о том, что ошибки в выборе направления общественного развития, способов движения к субъективно избранной цели всегда оплачивались бедствиями и лишениями целых поколений.

Но если исторический выбор в условиях XX в. оказывает такое существенное влияние на судьбы народов и людей, то он уже не может быть привилегией какой-либо политической силы, сколь бы ни казалась она авангардной и прогрессивной. Сегодня никто не в праве решать за всех, навязывать обществу проекты тотальной переделки общественной жизни, противоречащие коренным свойствам природного и человеческого мира, не вытекающие из традиций и исторического опыта народа.

Здесь, однако, следует заметить, что история, как это ни странно, обладает удивительной способностью всякий раз уходить из-под полного со-

знательного контроля и вместе с тем преподносить людям всевозможные сюрпризы. Она по сей день неистощима на «выдумки», склонна к неожиданным «решениям», трагична, загадочна и неуправляема. Ее «вулканические выбросы и волны», как правило, застигают людей врасплох. А в тех своих проявлениях, где она, кажется, стала уже управляемой и контролируемой, каким-то парадоксальным и непонятным образом оборачивается чудовищной тиранией, насилием и деструкцией. В сказанном нас убеждает опять же печальный опыт XX в. Оказалось, что разум как самое эффективное средство покорения мира и гуманность – вещи все реже и реже сопрягаемые. В системе мировоззрения и поведенческих реакций современного цивилизованного человека гуманистическая ориентация выступает отнюдь не как первостепенная. Выяснилось, что с цивилизацией вполне уживается дикость, варварство и вандализм. В не таком далеком прошлом цивилизованные европейцы с целью насильственного захвата капитала не останавливались перед уничтожением сотен тысяч невинных людей из колонизируемых стран Азии, Африки и Австралии. А сегодня цивилизованные американцы не остановились во имя своих эгоистических и захватнических интересов перед применением в Ираке кассетных и вакуумных бомб, разрушением уникальных музеев и древнейших на Земле памятников культуры. Впрочем, это в традиции американцев. Это они в свое время впервые в мире применили чудовищное ядерное оружие в войне с Японией. Воистину, «цивилизованная дикость – самая худшая из всех дикостей» (выражение К. Вебера). Неудивительно, что сейчас исследователи с нарастающей тревогой заговорили даже об экспансии нового варварства. неоварваризации. Так, К. С. Гаджиев утверждает, что мы являемся свидетелями пришествия варвара в новой ипостаси, в ипостаси нового цивилизационного варварства. Причем исследователь подчеркивает, что если в прежние времена варвары приходили с отсталой периферии цивилизованного мира (например, применительно к Римской империи), то сегодня одним из магистральных направлений развития мира «является движение цивилизованного варварства (или нового варварства) с Запада на Восток» [9, с. 15].

Отсюда следует самый трудный вопрос: **как гуманизировать субъективный фактор истории, направить человеческую деятельность в гуманистическое русло?** Если и в самом деле люди являются не только хорошо управляемыми марионетками, бездумными исполнителями predetermined вердиктов истории, воплощенных в производительных силах, технологических, демографических тенденциях или революционном порыве, а действительными творцами истории, то как добиться того, чтобы они действовали с позиции гуманизма?

Ясно, что обсуждаемый вопрос чрезвычайно актуализирует проблему перспектив, возможностей и границ социального регулирования, сознательно-

го управления общественными процессами. Совершенно очевидно, что человечество к настоящему времени попало в трудноразрешимую коллизию, в крайне парадоксальную ситуацию: стихийно-спонтанное развитие общества уже невозможно, а вездесущее рациональное управление социальными процессами опасно, часто принимает деструктивный характер. Наверное, парадоксальностью такой ситуации и порождены разные, а порой и прямо противоположные, точки зрения по вопросу о необходимости сознательного регулирования социальных процессов. Для поиска ответа на него существует по крайней мере три подхода. Первый – необходимы сознательное управление социальными процессами и контроль за всем и вся в жизни людей. На практике такие устремления ведут к тоталитаризму, превращению личности в объект абсолютной калькуляции. Второй – все беды идут именно от попыток самонадеянного субъекта регулировать социальные процессы. Это либеральный подход, в основе которого лежит принцип саморегулирования: пусть общество развивается само по себе, так сказать самотеком.

Есть все основания утверждать, что ни первый, ни второй подход в том виде, как они здесь представлены, непродуктивны. Поэтому нужно осмыслить третий, синтетический вариант. Кратко его суть можно свести к следующему: необходимости и неизбежности в условиях современности сознательного управления социальными процессами диктуется в первую очередь нарастающей угрозой экологических катастроф, опасностью неконтролируемого применения ядерного оружия, возможностью разрастания разрушительных межнациональных и межгосударственных конфликтов и т. д. Однако сознательность не синоним «проектной логики», «проектности», стремящейся подчинить развитие общества заранее заданной схеме. Сознательность заключается в том, чтобы уметь вовремя подключить волю и разум к стихийному, органическому процессу общественного развития, не ломая и не меняя этот процесс, помогать ему устранять преграды на его пути, препятствовать деструктивным устремлениям отдельных лиц и групп и т. д.

Многофакторность, многовариантность, стохастичность в развитии общества еще не означают, что в социальной жизни вообще отсутствуют причинно-следственные связи и что поэтому совсем нельзя предвидеть дальнейший ход общественных событий. Верно, конечно, что случайность, стихийность или сознательная концентрация усилий людей в определенном направлении могут сбить, отбросить с того или иного пути общественного развития, привести к сложным блужданиям в рамках спектра исторических альтернатив и возможностей. *Но сам спектр возможностей и путей развития общества не безграничен.* Ветвящиеся дороги общественной эволюции имеют конечное число, в определенной мере обусловлены прошлыми событиями и обстоятельствами, предшествующей исторической практикой.

Иначе говоря, логика истории диктуется долгосрочными факторами существования: природно-климатическими, геополитическими, цивилизационными, экономическими и др. Она не так принудительна, как это представлялось сторонниками «непреложных исторических закономерностей», бывает на своих развилках максимально открытой для всевозможных социально-утопических экспериментов, но она, как свидетельствуют факты, вовсе не безобидна и может быть довольно мстительной. В последнем нас особенно убеждают трагические последствия радикальных рыночных реформ, развернутых в России и ряде других стран СНГ.

Под покровом так называемой событийной истории скрывается глубинное течение исторического времени, которое поверхностный взгляд обычно не замечает, так же как не замечает движения Земли вокруг своей оси. Например, никакие усилия людей древних обществ периода «рычага и лопаты» не смогли бы превратить эти общества в машинные, буржуазные, поскольку для такого превращения необходим длительный ряд столетий вызревания объективных предпосылок. Иными словами, случайность, субъективность, различные отклонения весьма существенно влияют на социальный процесс, но влияют не произвольно, а в рамках вполне определенного спектра исторических возможностей. Кроме того, следует подчеркнуть, что когда общественная система «выбирает» определенный путь развития, дальнейшая ее эволюция происходит в рамках детерминистского поля, в соответствии с детерминистскими законами. Следовательно, случайное и необходимое в жизни социума не исключают, а дополняют друг друга.

Из всего вышесказанного следует, что субъективный фактор истории – обоюдоострое оружие, его возросшая роль чрезвычайно сложна, двойственна и противоречива. С одной стороны, его игнорирование, стремление ограничить целенаправляющее начало в историческом движении, упование исключительно на действие механизмов саморегуляции могут, как в этом нас убеждает сегодняшняя действительность, придать развитию общества катастрофический, разрушительный характер. С другой стороны, надо все же признать, что, несмотря на всю необходимость и неизбежность в условиях современности сознательного управления социальными процессами, общественная саморегуляция пока еще остается наивысшим проявлением упорядоченности и органичности движения. А это значит, что пользоваться возросшей силой субъективного фактора необходимо крайне осторожно и в определенных пределах. Отсюда также следует и то, что перед политическим руководством стран, находящихся в переходном состоянии (в том числе и перед политическим руководством восточнославянских стран), стоит задача фундаментальной важности: привести в действие механизмы общественной саморегуляции (самоорганизации) и научиться разумно сочетать их с практикой сознательного управления социальными процессами,

с государственным администрированием и регулированием (организацией). Причем в каждом конкретном случае мера данного сочетания должна соотнобразовываться с традициями, ментальностью и историческим опытом того или иного народа. А политиков, которые при решении этой сложнейшей задачи будут впадать в крайности, т. е. делать ставку или исключительно на механизмы общественной саморегуляции, или, напротив, полностью их игнорировать и уповать только на собственную политическую волю и государственное администрирование, неизбежно ждет крах.

Сегодня важно четко представлять, какие ценности культивировать, от каких отказываться и как все это скажется на процессе гуманизации общественной жизни. Задача состоит в том, чтобы обеспечить интеграцию человеческой духовности на основе высших ценностей, что позволит осуществлять гуманистически выверенные действия. Сравнительный анализ систем ценностей — сначала в теоретическом, а затем и практическом плане — важнейшая потребность современности. Гуманитарное развитие к имеющимся видам контроля и экспертизы добавляет еще и аксиологическую экспертизу. Этот новый вид экспертизы должен выявлять и культивировать наиболее соответствующие гуманности векторы духовного развития человечества.

Чтобы сохранить себя, человечество должно решить две взаимосвязанные задачи: 1) обезопасить себя от духовного вырождения и деградации, саморазрушения изнутри в результате эрозии «экологии души», утери человеком человеческого; 2) обезопасить себя от разрушения внешней среды обитания, коллапса биосферы, эрозии «экологии природы». В этом, возможно, и заключается смысл истории.

И здесь, кстати сказать, может оказаться весьма полезной возросшая роль субъективного фактора истории, расширившиеся возможности современного социального субъекта. Ведь, в конце концов, мощь и сила субъективного фактора истории может быть направлена не только на разрушение и деструкцию, но и на созидание, утверждение гуманистических начал в развитии социума. И это в принципе возможно на любом этапе современного исторического процесса, ибо история всегда так или иначе открыта для социального творчества. В ситуации, когда нет альтернативы от скатывания в пропасть, когда ни одна из реальных возможностей не в состоянии удовлетворить, активный социальный субъект может осуществить творческий прорыв, который следует интерпретировать как «овозможивание невозможного» (выражение С. А. Левицкого). Тому есть, кстати сказать, немало исторических примеров. Так, в частности, известный российский исследователь Л. Н. Гумилев, работая над проблемой этногенеза, указывал, что бывают ситуации, когда ценности и идеи какой-либо группы единомышленников (консорции), стоящих у истоков нового этноса, а точнее сказать — новой организации социума, оказываются способными весьма быстро

овладеть «критической массой» и «развернуть» эту историю самым неожиданным образом.

В этом контексте важно отметить, что общественное сознание, помимо всего прочего, всегда выступает как форма самосознания нации и как историческое самосознание народа. Подобно тому, как индивидуальное самосознание играет огромную роль в жизни отдельного человека, его самоощущении, самооценке, так и общественное самосознание оказывает неизгладимое воздействие на социальное поведение людей. Можно определенно утверждать — никак: с истинное понимание происходящих в обществе процессов и тем более никакое достаточно надежное прогнозирование вероятного будущего просто невозможно, если мы не будем все происходящее в обществе рассматривать в связи и на фоне сдвигов и перемен в общественном сознании, связанных с той или иной трансформацией смысложизненных ценностей и идеалов. И это потому, что характер и направленность социальных изменений в существенной мере определяются именно духовным состоянием общества, перестройкой в глубинных структурах сознания, в основных идеях и общепризнанных идеалах. Например, народ, лишенный своих ценностей, переживающий кризис национального самосознания, испытывающий комплекс национальной неполноценности, негативно оценивающий свое историческое прошлое (уязвленное историческое самосознание), потерявший веру в свое историческое призвание, в свою историческую миссию, не может иметь будущего. Народ, если разрушена его ценностная система, если поражен его центральный нерв — сознание собственной идентичности и исторической незаменимости даже при условии относительного материального благополучия, деградирует, превращается в неорганизованную толпу, вырождается. И напротив, народ способен перенести всевозможные испытания всякий натиск враждебной ему идеологии, кризисы и потрясения, если ему присуща устойчивая идентичность и вера в свое призвание в мире, если он патриотичен. Отсюда ясно, что *основой устойчивости любого государства выступает прежде всего дух народа, его духовное самостояние. Дух народа — это то, что в конечном счете всегда определяет историческую судьбу любого общества*. От него зависит, что произойдет с тем или иным государством — окажется оно на «кладбище народов и цивилизаций» или станет образцом для подражания, маяком, указывающим всем остальным народам и странам, куда двигаться.

Факты свидетельствуют о том, что самой уязвимой сферой национально-государственной безопасности любого общества является духовная сфера — сознание и ценностные ориентации граждан. Всякие социальные трансформации, социальные катаклизмы, революции, в том числе и «цветные», подготавливаются незаметными, постепенными изменениями в общественном сознании. Почему пал Советский Союз и никто не стал его защищать? Потому что к тому времени он утратил опору в со-

знании значительной части народных масс, интеллигенции, элиты, управленцев и т. д. И не помогли ему устоять ни самая могучая в мире армия, ни самый богатый на планете ресурсо-энергетический потенциал, ни передовые космические технологии, ни большое количество олимпийских чемпионов. Он потерпел поражение в духовной сфере, идеологии, сознании и поэтому был обречен.

Значимость духовной сферы в исторических судьбах народов была отмечена еще в XIX в. Г. Лебоном, который писал: «Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд определяются главным образом политическими переменами, нашествием иноплемеников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Истинно исторические перевороты не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. *Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей* (выделено мною. — Ч. К.) [10].

Как свидетельствует история, возникновение новых цивилизаций всегда разворачивалось в сфере духа — в ходе формирования оригинальной системы ценностей и нового видения горизонтов бытия. Подражание не может быть источником вдохновения. Оно никогда не станет основой для формирования самобытной цивилизации. Его результаты всегда будут вторичны и неинтересны другим народам. «Не числом, а умением», силой духа формировались новые цивилизации. Например, никому неизвестное племя, поселившееся на левом заболоченном берегу Тибра, ведущее примитивное сельское хозяйство и по всем другим параметрам отстающее от богатых городов Средиземноморья, через несколько веков превратилось в могучую Римскую империю. Почему? Да потому, что Рим выработал принципиально новую социально-политическую модель развития. В силу той же способности к новаторским решениям слабые аравийские племена, постоянно теснимые соседями, создали грандиозную мир-империю — Арабский халифат. Немногочисленные христианские общины, впервые в истории перенесшие социальную борьбу в духовную сферу, вызвали к жизни самую влиятельную и многочисленную мировую религию и т. п. А это означает, что будущее зависит не только от объективно-исторических факторов (численности населения, размера территорий и т. п.), но и от адекватного исторического выбора и способности к конструктивному проектированию, т. е. от субъективного фактора истории.

Будущее в значительной степени станет таким, каким мы его увидим сегодня. В силу действия механизма «самоорганизующихся» и «самоосуществляющихся» пророчеств оно в немалой степени

будет соответствовать тому, к чему мы будем стремиться и за что мы будем бороться. Это происходит потому, что то, что люди узнают об ожидающем их будущем, воздействует на их дела «здесь и теперь», в сегодняшней жизни. Именно явные и скрытые бессознательные установки относительно будущего и определяют поведение человека сегодня. Стало быть, представление о будущем — это уже один из способов воздействия на него, путь формирования этого будущего.

При этом здесь надо иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство: сегодня мы живем в эпоху вселенского обмана и информационных войн. В современных условиях глобальной конкуренции за ресурсы, территории, финансовое могущество главными целями информационных войн являются разрушение духовного самостояния, сознания и самосознания народов, их смысло-жизненных ценностей, идеалов и ориентиров. Причем наиболее значимыми объектами данных войн выступают прежде всего ценностно-мировоззренческие установки и ориентации молодежи. Это и понятно. Несоциализированная или плохо социализированная, недостаточно интегрированная в жизнь общества молодежь всегда выступала в качестве взрывного материала, спускового механизма всякого рода смут, бунтов и революций. Стоит только присмотреться к тому, что происходит сегодня в странах Ближнего Востока, чтобы понять все это.

Современные глобалистские структуры, созданные олигархическим интернационалом (глобократией) и стремящиеся на практике реализовать идеи «нового мирового порядка», ищут самые уязвимые места и зоны, воздействие на которые способно подорвать устойчивость в развитии народов и государств, выступающих препятствием на пути установления глобальной власти. В решении этой задачи особое значение данные структуры придают СМИ и сфере образования. Практика двадцати последних лет однозначно свидетельствует о том, что страны — лидеры глобализации пытаются посредством различных неправительственных организаций и других, часто недекларируемых, структур (скрытых от посторонних глаз) направить процесс реформирования образования в странах СНГ, в частности в восточнославянских странах, в сторону существенного понижения его уровня и окончательного демонтажа созданной в свое время в Советском Союзе системы образования. В силу этого состояние образования приобретает сегодня важнейшее геополитическое измерение, становится фактором геополитической борьбы. Сегодня образование — это намного больше, чем образование, это будущее, битва за которое уже началась, и проигрыш в которой означает выпадение из истории [11, с. 231–242].

Здесь встает задача колоссальной важности — сформировать у населения, прежде всего молодежи как самой активной части общества, своего рода иммунитет к различным деструктивным информационным воздействиям, а точнее, сформировать

у нее элементарное патриотическое сознание, веру в свою страну, ее будущее. Это самое главное, без этого все рассыплется, все разрушится. Ни одно государство не может нормально развиваться при отсутствии положительной системы ценностей, объединяющей его граждан.

На переднем крае этой борьбы за сознание и мысли людей естественным образом (в силу специфики объекта изучения) находится социогуманитарное образование. Именно поэтому **социогуманитарное образование становится важнейшим фактором национальной государственной безопасности**. Что бы мы теперь ни говорили, реально одно из первых мест в формировании ценностей нации принадлежит именно социогуманитарному образованию.

Неудивительно, что всемирно известные ученые категорически настаивают на необходимости усиления значимости социально-гуманитарных наук в наше чреватое большими социальными потрясениями время. Да и в прошлом роль социогуманитарного познания и образования в развитии и самоутверждении народов и государств была исключительно важной.

Процесс интенсивного сокращения финансирования всяких исследовательских программ социогуманитарной направленности, учебного времени в системе социально-гуманитарной подготовки весьма опасный, можно сказать, разрушительный для социума процесс. В сущности, такого рода действие нельзя охарактеризовать иначе как подрыв духовных оснований национального образования.

Дело в том, что молодежь в силу своих возрастных характеристик склонна к критицизму и максимализму. Поэтому, чтобы сформировать у молодежи негативистские, антигосударственные, деструктивно-разрушительной направленности настроения и ориентации достаточно двух-трех лекций. А вот чтобы сформировать у молодежи позитивные, конструктивно-патриотические, государственно-ценностные установки в условиях современных информационных войн, необходимо работать долго, постоянно, терпеливо, кропотливо-подвижнически. Здесь тремя-пятью лекциями не обойдешься.

Из всего вышесказанного ясно, насколько важна для гарантированного развития общества поддержка социогуманитарных наук государством, другими социальными институтами.

Только те политики, которые в качестве своей приоритетной задачи будут усматривать формирование патриотического сознания, консолидирую-

щего общество, систему духовно-нравственных ценностей, постоянно заботиться о состоянии духа народа, прививать ему уважение к своим национальным и цивилизационно-историческим традициям, внедрять в массовое сознание объединяющие идеалы и высокие духовные смыслы, смогут оставить после себя прочное наследие, которое ни при каких социальных потрясениях и смутах не будет, подобно пыли, «развеяно ветрами» истории, и заслужить добрую память потомков. Те же политики, которые будут исходить исключительно из позиций технократизма, экономического детерминизма и вульгарного материализма, неизбежно потерпят фиаско на большой шкале исторического времени, и имя их будет забыто потомками. Ибо в конечном счете никакое успешное развитие экономики и материально-производственной сферы не может быть постоянным и устойчивым без соответствующей духовной основы, без глубинной нравственной мотивации и ценностно-мировоззренческих устремлений.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Маркс, К. Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 13.
2. *Маркс, К. Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 20.
3. *Маркс, К. Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 3.
4. *Маркс, К. Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 37.
5. *Маркс, К. Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 21.
6. *Кармин, А. С. Философия* / А. С. Кармин, Г. Г. Бернацкий. – 2001.
7. *Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество* / П. А. Сорокин. – М., 1992.
8. *Момджян, К. Х. Введение в социальную философию* / К. Х. Момджян. – М., 1997.
9. *Гаджиев, К. С. Масса. Миф. Государство* / К. С. Гаджиев // *Вопр. философии*. – 2006. – № 6.
10. *Лебон, Г. Психология народов и масс* / Г. Лебон // *The writings of Israel Shamir*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.israelshamir/marx132ntm>.
11. *Фурсов, А. «Реформа» образования сквозь социальную и геополитическую призму* / А. Фурсов // *Наш современник*. – 2012. – № 1.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.09.2013.